

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2023 Issue: 05 Volume: 121

Published: 21.05.2023 <http://T-Science.org>

Issue

Article

Nafisa Sadikovna Parpiyeva

Andijan State Institute of Foreign Languages

Lecturer, Department of Theory of the Russian Language and Translation Studies

Andijan, Uzbekistan

VARIATIONS OF THE “LITTLE MAN” IN N. V. GOGOL'S “PETERSBURG TALES”

Abstract: The article examines the stories of N. V. Gogol's St. Petersburg cycle, in which he aims to identify the reasons that led God's creation to moral degradation. He is driven by the desire to understand why the inner, mental and spiritual fall of the “little man” occurs, whether it be a poor artist, an unhappy poor crazy man, or an outwardly submissive executive official.

Key words: N. V. Gogol St. Petersburg cycle, social status, little man, moral degradation, reality.

Language: Russian

Citation: Parpiyeva, N. S. (2023). Variations of the “Little man” in N. V. Gogol's “PETERSBURG TALES”. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 05 (121), 201-208.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-05-121-35> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2023.05.121.35>

Scopus ASCC: 1208.

ВАРИАЦИИ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЯХ» Н. В. ГОГОЛЯ

Аннотация: В статье исследуются повести петербургского цикла Н. В. Гоголя, в которых он задается целью выявить причины, приведшие творение Божие к нравственной деградации. Им движет желание понять, отчего происходит внутреннее, душевно-духовное падение «маленького человека», будь то бедный художник, несчастный бедняк-сумасшедший, или внешне покорный исполнительный чиновник.

Ключевые слова: петербургский цикл Н. В. Гоголь, социальное положение, «маленький человек», нравственная деградация, действительность.

Введение

В «петербургских повестях» Н. В. Гоголь обратился к отнюдь не новой теме, избрав своими героями людей маленьких по своему социальному положению.

В критике 1830-х годов то и дело раздавался возглас быть ближе к действительности. «Чем предмет необыкновеннее, – пишет В. Г. Белинский, – тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина» [1].

Сознательное ограничение личности, забвение старины, делает такую личность уязвимой и беззащитной перед любыми катаклизмами. Не даром труп Евгения находят возле дома, торчавшего, как черный куст, на острове, где не растет ни былинки. Дом, без

фундамента, снесенный наводнением – метафора человека, погибшего вследствие этого же события. Но если Евгений – кривое отражение Всадника, то и Всадник, подобно «маленькому человеку», страдает тем же недугом: он так же безумен. Бунт русского царя, решившего поспорить с Богом в отношении природы, через сто лет вызывает бунт природы. Пушкин Неву уподобляет то дикому обезумевшему зверю: «...как зверь, остервенясь, // На город кинулась...» [11], то дикой разбойной шайке: «Так злодей // С свирепой шайкою своей // В село ворвавшись, ломит, режет, // Крушит и грабит...» [11]. Бунт – то же безумие. Причем, любому мятежу, случавшемуся время от времени в какой-либо стране, всегда предшествует «умственный» мятеж. Более того, в том же 1833 году Пушкин начинает работать над статьей «Путешествие из

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Москву в Петербург», которая является полемикой с Александром Радищевым. Спустя три года уже в другой статье «Александр Радищев» поэт скажет: «...если подумаем, какие суровые люди окружали еще престол Екатерины, – то преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха – а какого успеха может он ожидать? – он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону».

Здесь А. С. Пушкин однозначно связывает саму идею мятежа с безумием. Глядя же на историю России, поэт находит всюду подтверждение некоей закономерности, по которой один мятеж обязательно ведет за собой другой. Дворцовый переворот, как правило, содержит в себе зерно будущего мужицкого бунта. Самозванство Бориса Годунова или Екатерины II навлекают на страну бурю крестьянских войн. Именно «мятежный шум» реки, услышанный героем, сбивает его ум: «...Мятежный шум // Невы и ветров раздавался // В его ушах. Ужасных дум // Безмолвно полон, он скитался. // Его терзал какой-то сон...» [11].

Безусловно, что А. С. Пушкин здесь спорит с романтической традицией, видевшей в безумии знак гениальности и богоизбранности. В 1833 году поэт напишет: «Не дай мне бог сойти с ума. // Нет, легче посох и сума; // Нет, легче труд и глад...» [11]. Тема безумия не на шутку занимала Пушкина. В этом же году появилась «Пиковая дама», где герой тоже сходит с ума. Для А. С. Пушкина, воспитанного на классицистической французской литературе, ясность ума – признак гармонии и красоты. Прозрение наступает у Евгения именно в тот момент, когда его мысли прояснились. Тогда он ясно увидит связь между «физическим» бунтом Невы и «мысленным» бунтом Евгения перед Всадником: «Он узнал // И место, где потоп играл, // Где волны хищные толпились, // Бунтуя злобно вокруг него, // И львов, и площадь, и того, // Кто неподвижно возвышался // Во мраке медною главой, // Того, чьей волей роковой // Над морем город основаяся...» [11]. Статика Всадника обманчива. Герой увидит на челе «неколебимого» кумира думу, думу, повлекшую царя всю Россию поднять на дыбу, то есть казнить, пытать, совершать насилие не только над «бедной» природой, но и над народом. Но,

прозрев это, Евгений вновь «заражается» тем же безумием: «По сердцу пламень пробежал, // Вскипела кровь. Он мрачен стал // Пред горделивым истуканом // И, зубы стиснув, пальцы сжав, // Как обуянный силой черной, // Добро строитель чудотворный! – // Шепнул он, злобно задрожав, // – «Ужо тебе!...»» [11].

Таким образом, в поэме тема бунта-безумия варьируется тремя героями: Петром Первым, безвестным чиновником Евгением, и Невой. Если Петр, одержимый гордыней, бросает вызов Богу, выступая как обновитель мира, как демиург, то Евгений бросает вызов Петру, не как, возможному историческому сопернику, виновнику изведения древнего его рода, но в большей степени, как inferнальной силе, виновной в личном несчастье, как злему року. Протеистичный образ взбунтовавшейся Невы становится фокусом бунта-безумия и Петра и Евгения.

В «Пиковой даме» та же проблема реализуется несколько иным образом. Здесь один герой сосредоточивает в себе все три мотива, связанные с тремя образами поэмы. С одной стороны, Герман – типичный «маленький человек». Он не родовит, живет на одно жалование и мечтает, что, возможно, какой-нибудь случай «усмерит» его капитал и доставит покой и независимость. С другой стороны, личные амбиции Германа подчеркиваются внешним сходством с гением века – Наполеоном. Наконец, идея достигнуть желаемого с помощью тайны трех карт, роднит героя со стихийными силами природы через мистические увлечения представителей восемнадцатого века. Три карты – три мотива поступка: гордыня, желание богатства и славы, и ради них совершение трех преступлений: союз с дьяволом, убийство старухи, обман девушки, и, – как следствие раздутой гордыни и бунта «маленького человека» против своего положения, безумие героя.

Мы намеренно более подробно, возможно, чем следовало бы, остановились на пушкинской трактовке образа «маленького человека», дабы показать, что именно А. С. Пушкин впервые связал образ социально неудовлетворенного чиновника с темой бунта, при этом он уравнивал сочувственное отношение, любовь к «маленькому человеку» с критической оценкой его поведения. Н. В. Гоголь, на наш взгляд, продолжил традицию, заложенную

А. С. Пушкиным, только в несколько иной, более «жесткой» трактовке темы «маленького человека», в связи с чем, опосредованно, и вызвал упреки Макара Девушкина.

К концу 1830-х годов «маленький человек», бедный чиновник настолько обычное явление в литературе, что часто сочувствие к нему автора заменяется пародией [5]. Когда Гоголь начал работать над «Записками сумасшедшего», можно

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

предположить, что он был уже знаком и с поэмой А. С. Пушкина «Медный всадник», и с «Пиковой дамой», которые были написаны в 1833 году. Тем более что и «Пиковая дама» и «Вступление» из поэмы были опубликованы в 1834 году. Первоначально повесть «Записки сумасшедшего» в одном из планов сборника «Арабески» носила название «Записки сумасшедшего мученика».

На наш взгляд, это было вызвано, что Н. В. Гоголь хотел показать пошлый тлетворный дух мира чиновного Петербурга. Отказ же от первоначального названия повести был, скорее всего вызван стремлением писателя завуалировать идею произведения, сделать повесть еще и остро социальной. Дневник титулярного советника Поприщина – это еще одна возможность отразить духовную болезнь общества «изнутри».

Сумасшествие в эстетике романтиков, восходящей к мифологическому мышлению, было осмыслено как гениальное безумие, как знак творческого начала, как провидение иного высшего мира и, наконец, принадлежность к нему. У романтиков всегда и однозначно сумасшествие героя – выделение его из среды со знаком «плюс». Поскольку сумасшествие – это абсолютная свобода личности, вознесение над костным миром, где человек, в чем-то отличающийся от остальных своим поведением, не укладывается в прокрустово ложе общественных норм, то он обречен на осмеяние и однозначно негативную оценку окружающих.

Романтическая личность с ее правом на исключительность чувств, на первый взгляд, противоположна «маленькому человеку», выделившемуся к середине 1830-х – началу 1840-х из «толпы». В.Г. Белинский, приветствуя зарождающееся направление литературы, противопоставлял романтиков новым писателям: «В двадцатых годах раздалось в нашей литературе слово «романтизм». Все заговорили о Байроне, и байронизм сделался пунктом помешательства для прекрасных душ... Вот с этого-то времени и начали появляться у нас толпами маленькие великие люди с печатью проклятия на челе, с отчаянием в душе, с разочарованием в сердце, с глубоким презрением к «ничтожной толпе» [11]. С зарождением нового направления появляется и новый герой, герой из толпы, а точнее сказать, герой среднего общества, имеющий, однако, ту же печать проклятия на челе, то же отчаяние в душе, которое было и у героя романтических произведений. Он также глубоко презирает, и одновременно зависим от «ничтожной толпы», являясь ее частью, но ко всему прочему он также претендует на исключительность, только в отличие от романтических героев, главной причиной, являющейся препятствием к достижению цели, считает свою социальную ограниченность и ущербность. Такая категория

«маленьких людей» тяготеет своим низким социальным положением, его пугает больше не маленькое жалование, которое обрекает его на голод и холод, а то, что он в глазах других выглядит таким бедным и необеспеченным порядочным ужином и добротной шинелью.

Романтическая исключительность, умноженная на социальную ограниченность, породила особенную «физиономию» «маленького человека», которую первым увидел, «предопределил» еще А. С. Пушкин.

Н. В. Гоголь развил и углубил его мысль. Изображая Поприщина, писатель в чем-то сохраняет романтическую коллизию: герой находится одновременно в двух мирах. В реальном мире он бедный чиновник, мечтающий о высоких чинах, которые могут дать положение в обществе и богатство. Для окружающих – он полное ничтожество, нечто вроде мебели: «Фамилия его престранная. Он всегда сидит и чинит перья. Волоса на голове его очень похожи на сено. Папа всегда посылает вместо слуги...» [11]. В ином мире он совсем не тот, за кого его принимают окружающие. Он – испанский король. Поприщину открыто то, что закрыто для других. Он понимает язык животных, посредством которого узнает о начавшемся романе и о предстоящей свадьбе девушки, в которую влюблен. Наконец, он постигает, что и мечта его о земном блаженстве фикция: «О, это коварное существо – женщина! Я теперь только постигнул, что такое женщина. До сих пор никто еще не узнал, в кого она влюблена: я первый открыл это. Женщина влюблена в черта. Вон видите, из ложи первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездою? Совсем нет, она глядит на черта, что у него стоит за спиною. Вон он спрятался к нему во фрак. Вон он кивает оттуда ей пальцем! И она выйдет за него. Выйдет. А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се: аренды, аренды хотя эти патриоты! Мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, хриstopродавцы!» [11].

Однако противопоставление ничтожного-великого в повести Гоголя имеет, во-первых, социальную определенность, а, во-вторых, герой постепенно «углубляется» в иной мир. Среда как бы вытесняет человека в блаженные страны, где он выше всех желаний, где он недостижим ни для какого начальства. Даже русский царь над ним не властен. Но, что важно, герой не сразу становится испанским королем. А в сумасшедшем доме его уже не спасает расстроенное воображение: «великий канцлер», он же «великий инквизитор» больно бьет его палкою, льет холодную воду на голову.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Но если у Одоевского героя насильно возвращают «на землю»: лечат, поправляют состояние, женят, то здесь, напротив, героя как бы загоняют в абсурд: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» [11]. Великий абсурд мира, где человек теряет свой человеческий облик (сопоставление героев с собаками), отражается в бреде окончательно впавшего в безумие чиновника: «Сумасшествие есть один из видов изгнания, вытеснения за пределы жизни; этим оно сродни смерти: но так как сумасшествие восходит всегда к некоторому личному решению гесп. согласию души, то оно особенно сродни самоубийству» [10].

Таким образом, крайности сходятся, нет уже ни прекрасного идеального мира, которому причастна светлая душа героя и куда он может укрыться. Идеальность эта несет в себе черты того же грешного мира, в котором обитают чиновники: чин короля – наивысший. Внешние очертания пространства-времени хотя и нарушены, но имеют подобие реальности. Заметим календарные записи: «Год 2000 апреля 43 числа», «Мартобря 86 числа. Между днем и ночью», «Никоторого числа. День был без числа», «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое», «Числа 1-го», «Мадрид. Февруарий тринадцатый», «Январь того же года, случившийся после февраля», «Число 25», «Чи 34, сло Мц гдао, февраль 349». В календарных записях окончательно обезумевшего чиновника можно увидеть некую «эволюцию», соответствующую состоянию героя [11]. Самый пик торжества Поприщина «День без числа», когда он, гуляя по Невскому, увидел императора и снял перед ним шапку вместе с остальными только потому, что на нем не было соответствующего платья: «Я почел неприличным открыться тут же при всех; потому что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею королевского костюма» [11]. Бесформенность числа отражена в буквальной бесформенности героя и соответствует наибольшей свободе личности, возвысившейся до царя. Он снимает со всеми шапку, только потому, что он волен этого и не делать. У героя есть свобода выбора, но опять-таки она замкнута социально.

Потом само прозрение греховности этого мира не дает спокойствия душе мученика, напротив, усиливает протест против социальной несправедливости: «великий инквизитор» (у Гоголя «великий» с маленькой буквы как намек на относительность величия) зовет героя по фамилии. Сначала он закричал: «Поприщин!». Когда «маленький человек» не откликнулся на фамилию, последовали имена в порядке возрастания социализации. Сначала имя личности: «Аксентий Иванов», затем чин:

«титулярный советник», затем принадлежность героя к сословию: «дворянин». Одновременно с возрастанием социального, убывает само значение личности, поскольку происходит отталкивание от конкретного в сторону обобщенного. И вот взрыв: «Фердинанд VIII, король испанский». В нем личностное и социальное совмещены, но «высшая гармония» достигается ценой бунта, протеста, попрания социальных устоев.

Таким образом, урок А. С. Пушкина был усвоен. Тема бунта-безумия затем будет закреплена за архетипом этого героя. Очень важно подчеркнуть еще, что именно через «Записки сумасшедшего» Гоголь пришел к теме «маленького человека». «Маленький человек» – это тот, кто хочет стать великим во внешнем, социальном плане.

Для писателя повести о «маленьком человеке» – это повести о Петербурге, городе чиновничества, о пошлости цивилизации, возникшей в Российском государстве со времени появления огромной иерархической машины, где человек теряет свой богоподобный образ и, превращаясь в жалкое существо, заботится только о собирании «сокровищ земных».

С повестей петербургского цикла для Н. В. Гоголя начинается духовное осмысления человеческого образа, впервые он задается целью выявить причины, приведшие творение Божие к духовной деградации. Писателем двигал интерес понять причины внутреннего, душевно-духовного падения «маленького человека», будь он бедным художником Пискаревым, сумасшедшим или внешне смиренным чиновником Башмачкиным. Н. В. Гоголь подошел к осмыслению проблемы «маленького человека» «изнутри». Мир петербургского чиновничества был хорошо известен молодому Н. В. Гоголю.

27 июля 1828 года он окончил гимназию с правом на чин XIV класса. Приехав в Петербург, с января и до июля 1829 года, времени своего первого отъезда за границу. Гоголь находится в безуспешных попытках устроиться на службу. Наконец, только через полгода после возвращения из Германии, 10 апреля 1830 года, соискатель места получает резолюцию о зачислении его на службу в департамент уделов на вакансию писца. Около года пробудет он на этой должности, 10 марта 1831 года Гоголь становится младшим учителем истории в Патриотическом институте. Таким образом, Гоголь достаточно тесно некоторое время соприкасался с чиновничьим миром и вынес из этого общения собственные впечатления и понятия о жизни чиновников низшего класса. Это, в свою очередь, не могло не повлиять на выбор того социального слоя «маленьких людей», который изображен в «петербургских повестях».

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Очарование столицей у молодого Гоголя длилось недолго. Заботы о своем финансовом положении выходят на первый план. Из письма к М.И. Гоголь от 3 января 1829 года: «Скажу еще, что Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы. Жить здесь не совсем по-свински, т.е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. <...> В одной дороге издержано мною триста слишком, да здесь покупка фрака и панталон стоили мне двухсот, да сотня уехала на шляпу, на сапоги, перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мелочи, да на переделку шинели и на покупку к ней воротника до 80 рублей» [11].

Письма Н. В. Гоголя к матери 1829-1830-х годов испещрены финансовыми выкладками и расчетами: «Вы не поверите, как много в Петербурге издерживается денег. Несмотря на то, что я отказываюсь почти от всех удовольствий, что уже не франчу платьем, как было дома, имею только пару чистого белья для выхода и халат для будня» (письмо к М. И. Гоголь от 30 апреля 1829 г.).

Однако не только внешняя, «материальная» сторона петербургской жизни занимает писателя. Он внимательно изучает «общий дух» столицы, пытается обозначить ее характер: «Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь обиностранились и сделались ни тем ни другим. Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, всё служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, всё погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их».

Для двадцатилетнего Н. В. Гоголя, с младенчества дышавшего «малороссийским духом», отсутствие в российской столице «печати» национального характера служило тревожным симптомом «обиностранивания», духовного обмельчания и всех жителей России, ведь с понятием Петербурга тогда связывали и просвещение, и плод его, цивилизацию.

Весь столичный мир – это мир «служащих и должностных», но хуже всего то, что все они заняты ничтожным трудом, трудом, который не одухотворен, трудом бесплодным, не приносящим никакой пользы, кроме физического поддержания

человека: «Это убийственно! Что за счастье дослужить в 50 лет до какого-нибудь статского советника, пользоваться жалованием, едва стающем себя содержать прилично, и не иметь силы принести на копейку добра человечеству. Смешны мне очень здешние молодые люди: они беспрестанно кричат, что они служат совершенно не для чинов и не для того, чтобы выслужиться. Спросите же у них, для чего они служат? Они не будут сами в состоянии сказать, так, для того, чтобы не сидеть дома, не бить баклуши» (письмо к М. И. Гоголь от 24 июля 1829 г.).

Долгие и безуспешные поиски места, наводят религиозного Гоголя на мысль о Промысле Божьем: «не явно ли Он наказывал меня этими всеми неудачами в намерении обратить на путь истинный?», продолжал же писатель свои поиски только в «угоду» маленьке. Таким образом, для Гоголя уже начала 1830-х годов необходимым условием труда была его полезность. Труд, пусть даже самый мелкий, чиновничий, не благословенный Богом, не одухотворенный Его высшей идеей, никчем, лишен всякого смысла. Спокойствие и веселость сопровождают только труд полезный: «Труд, но только спокойный, полезный, без хлопот, суетливости и поспешности, всегда имеет неразлучную себе спутницу – веселость. Я не знаю, как могут люди жаловаться на скуку! Эти люди всегда недостойны названия людей. Я теперь более, нежели когда-либо, тружусь, и более, нежели когда-либо, весел. Спокойствие в моей груди величайшее...», – писал Н. В. Гоголь матери, покинув чиновничью службу (письмо к М. И. Гоголь от 16 апреля 1831 г.).

Подытожив высказывания писателя о чиновниках, о Петербурге, породившем их в великом множестве, о бессмысленности труда бесконечно-огромной бюрократической машины, можно придти к выводу о том, что Гоголь, который побывал «в шинели» служащего XIV класса, достаточно жесток по отношению к герою «Записок сумасшедшего», несчастному, лишенному рассудка Поприщину.

Для новичка, прибывшего в Петербург из провинции и отдававшего все тяготы столичной дороговизны и дефицита хорошей должности, изображение мелкого служащего должно было бы быть более лояльным. Почему же Гоголь не снисходит до помешавшегося от амбиции чиновника?

Вторую половину 1830-х годов С. И. Гончаров не случайно называет осязаемой границей гоголевского изображения героев, когда писатель начинает ориентировать своего читателя на сферу «внешнего» – «внутреннего человека» [3].

Пока же в «Невском проспекте» (1833-1834 гг.) и «Записках сумасшедшего» (1834 г.) внешним оказывается социальная

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

принадлежность героев, точная реалистическая характеристика «действующих лиц». Внутреннее же их содержание лишено цельности.

В. А. Воропаев, подойдя к проблеме влияния Гоголя-христианина на Гоголя-писателя, сделал следующие заключение: «Если брать нравоучительную сторону раннего творчества Гоголя, то в нем есть одна характерная черта: он хочет возвести людей к Богу путем исправления их недостатков и общественных пороков – то есть путем внешним. Вторая половина жизни и творчества Гоголя ознаменована направленностью его к искоренению недостатков в себе самом и, таким образом, он идет путем внутренним».

В этом отношении цикл «петербургских повестей» имеет решающее значение. Не случайно он открывается «Невским проспектом». Центр Петербурга – это мишурный блеск, который скрывает множество искушений («О, не верьте этому Невскому проспекту!». Внешнее довольство жизнью, респектабельность и благонамеренность гуляющих по нему людей оборачиваются развратом души, романтизм – бессмысленной и пустой, изжившей себя вещью (об этом говорит семантика фамилии Пискарева), смертью художника и вечными муками его души, а непринужденность и веселость Пирогова – обычной, всепоглощающей пошлостью. Невский проспект – это маска лицедея, это черт, старающийся поймать в свои сети кого бобровым воротником, кого блеском эполет, мнимым величием или ложной, внешней красотой женщины. Гоголю еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в «Миргороде» удалось показать оборотную сторону денег, власти, красоты. Только в этих сборниках «внешность», иллюзорность благополучной, прекрасной жизни основывается на материале фольклорном, историческом, в «петербургских повестях» в ход идет «сама действительность».

Однако социальный аспект – та же «удочка», на которую «ловятся» те, кто воспринимает лишь внешнее, лежащее на поверхности «противоречие мечты и сущности», овеянное романтическим ореолом.

В «Невском проспекте» Н. В. Гоголь показал разобщенность людей, их глубокое заблуждение в уверенности своей правоты, социальной значимости, погоне за наслаждениями, амбициозными мечтами. И в этих мелких, ничтожных перед вечностью устремлениях проходит вся жизнь, как смена людей всех сословий, прогуливающих в разное время суток по Невскому. И в этом отношении не только Пирогов, но и все эти вояжеры – «маленькие люди» пред Богом, бедные духом, обуреваемые страстями в погоне за проходящим (в прямом и

переносном смысле для двух главных героев повести), не замечающие вечного.

Мотив «маленького человека» (и здесь в первую очередь имеются в виду все люди со своими амбициями, мелкими заботами, страстями и «страстишками»), предстоящего перед Богом, у Гоголя говорит о преемстве пушкинского понимания «малости» человека («Станционный смотритель»).

Особенный смысл в связи с этим приобретает «Шинель» – повесть, на первый взгляд, рассказывающая только об унижениях чиновника, о «затирающей» действительности. Башмачкин, подобно Попришину, титулярный советник, также беден и осмеян коллегами и, можно сказать, тоже сумасшедший, но на другой лад. Перед нами то же романтическое двоемирие. По сути, Гоголь в самом начале намекает на некий том романтического сочинения, который якобы был приложен в доказательство об оскорблении личности чиновника. Башмачкин, живя в Петербурге и трудясь в департаменте, пребывает в своем таинственном мире букв, так что не замечает ни насмешек товарищей, ни улицы, по которой идет со службы, ни мухи в супе. Вся повесть есть возвращение «блаженного» чиновника на почву реальных отношений, в реальный Петербург, который, однако, окончательно мифологизируется, приобретая черты демонического пространства.

Таким образом, в повести два мира: первый тот, в котором живет герой до истории с шинелью, второй тот, в котором пребывают чиновники и который во всем противоположен первому.

Акакий Акакиевич в начале представляет собой тоже как будто бы романтического героя, но в отличие от других романтических персонажей, он кажется неуклюжим, нелепым и ничтожным, о нем говорится как о посредственности. Гоголь не отмечает высоты его духа, напротив, ангельские черты искажены: кротость, смиренность, немногословие в кривом зеркале гордыни и самолюбия кажутся достойными одного осмеяния. А поскольку мир Акакия Акакиевича для нас непроницаем, то мы и судим о нем с внешней стороны, хотя бескорыстная добросовестная служба чиновника букве закона в принципе дает основание считать его однозначно положительным героем. Непроницаемость внутреннего мира Башмачкина, его внешняя сторона вскоре материализуются в виде некой вещественной оболочки – шинели. Истощение «оболочки» чиновника в данном случае может привести только к одному: к окончательной утрате внешнего – условия существования внутреннего. Конечно, Гоголь был знаком с проблемой внутренней и внешней Церкви, разработанной А. С. Хомяковым, который писал: «Внешнее единство, проявленное в общении таинства;

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

внутреннее же единство есть единство духа. Многие спасались (напр., некоторые мученики), не приобщившись ни к одному из таинств Церкви (даже и Крещению), но никто не спасается, не приобщившись внутренней святости церковной, ее вере, надежде и любви, ибо не дела спасают, а вера» [13]. Подобно противопоставлению внешней и внутренней церкви в творчестве Гоголя «внешний человек» противопоставлен «внутреннему человеку», способному к умной молитве, тихому деланию. В повести «Шинель» «внутренний человек» – это наиболее полное состояние души героя. С гибелью «неказистой оболочки» душа Башмачкина должна воспарить. Однако приобретение нового тела – шинели – равно измене души, это и приводит к гибели «внутреннего» и торжеству «внешнего» человека. Появление у Калинкина моста привидения, которое грабит прохожих, сдирая с них шинели, свидетельствует об овеществлении духовного, роковой подмене истинного ложным. И такой финал подводит нас к осознанию того, что Башмачкин скорее не романтический, а антиромантический герой.

Таким образом, Н. В. Гоголь идет тем же путем – от внешнего к внутреннему – (то, о чем говорили С. А. Гончаров и В. А. Воропаев) и в изображении «маленького человека», ориентирует читателей на осознание пустоты, никчемности, иллюзорности существования человека, лишённого божественного света.

В «Невском проспекте» Н. В. Гоголь отразил всеобъемлющую пошлость, от которой повествователь старается «закутываться покрепче плащом своим», она видится Гоголю как богоотступничество», сопровождающееся погоней за «внешним» и забвением того сокровенного «внутреннего», связывающего всех нас, маленьких, с Творцом.

Амбициозные притязания Поприщина так же пошлы, потому что «овнешнены». Мелкий чиновник, бедный духом, бунтует, и именно бунт приводит его к сумасшествию. В этом проявилась близость Н. В. Гоголя с пушкинской трактовкой «маленького человека».

Герой «Шинели», пожалуй, один из немногих героев гоголевских произведений вообще, кто заслуживает хоть какую-то авторскую жалость. Поэтому нам хотелось бы согласиться с М. М. Дунаевым, который так выразил отношение Гоголя к Башмачкину: он «сострадает не жертве социального угнетения, но творению Божию, не сумевшему проявить в своей любви образа и подобия Отца, в нем, в творении, заключенного».

«Гуманистическое» направление 1840-х годов породило живой интерес писателей «натуральной школы» к проблеме «маленького человека».

Бытописание мелкого чиновника становится одной из основных тем, разрабатываемых литераторами, которые считали себя прямыми наследниками раннего гоголевского творчества. Однако многие из них восприняли лишь внешнюю, социальную сторону его повестей, тогда как внутренняя духовно-душевная, оставалась для них не разгаданной.

По верному замечанию А. Н. Пыпина, «пробелы и суждения» Белинского произошли главным образом потому, что «современникам не был и не мог быть известен ход внутренней жизни Гоголя, который стал раскрываться только впоследствии, с изучением его биографии» [12]. Таким образом, молодые писатели 1840-х годов восприняли гоголевские «приемы», но не гоголевское мировоззрение [2].

References:

1. Belinskij, V. G. (1982). *O russkoj povesti i povestjah g. Gogolja*. Sbornie sochinenij: V 9 t. Moskva: Hudozhestvennaja literatura.
2. Bogdanova, O. A. (1997). *Filosofskie i jesteticheskie osnovy «natural'noj shkoly»*. «Natural'naja shkola» i ee rol' v stanovlenii russkogo realizma. Moskva.
3. Goncharov, C. A. (1977). *Tvorchestvo Gogolja v religiozno-misticheskom kontekste*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gercena.
4. Gukovskij, G. A. (1959). *Realizm Gogolja*. Moskva – Leningrad: Hudozhestvennaja literatura.
5. Kijko, E. I. (1973). *Sjuzhety i geroi povestej natural'noj shkoly*. *Russkaja povest' XIX veka*. Istorija i problematika zhanra / Pod red. B. S. Mejlaha. Leningrad: Nauka.
6. Kireevskij, I. V. (1979). *Kritika i jestetika*. Moskva: Iskusstvo.
7. Krasuhin, G. G. (1987). *Pokoj i volja. Nekotorye problemy pushkinskogo tvorcestva*. Moskva: Sovremennik.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

8. Makogonenko, G. P. (1987). *Izbrannye raboty o Pushkine, ego predshestvennikah i naslednikah*. Leningrad: Hudozhestvennaja literatura.
9. Nemirovskij, I. V. (1990). Biblejskaja tema v «Mednom vsadnike». *Russkaja literatura*. № 3. pp. 3-17.
10. Pumpjanskij, L. V. (2000). *O «Zapiskah sumasshedshego» N. V. Gogolja. Klassicheskaja tradicija*. Sobranie trudov po istorii ruskoj literatury. (pp. 329-342). Moskva.
11. Pushkin, A. C. (1963). *Sobranie sochinenij*: V 10 t. Moskva.
12. Pypin, A. N. (1913). *Istorija ruskoj literatury*: V 6 t. Sankt-Peterburg. Tom 4.
13. Homjakov, A. C. (1994). *Cerkov' odna*. Sochinenija: V 2 t. Moskva. Tom 2.